СОВДЕТСТВО

Глава из нового романа

В издательстве АСТ выходит в свет новая книга Юрия Полякова "Совдетство" (Поляков Юрий. Совдетство. — М.: АСТ, 2021. — 384 с.). О чём она? Об этом автор рассказывает в предисловии:

"Детство — это родина сердца… Чьи слова? Кажется, мои, хотя, возможно, я их где-то когда-то встретил, затвердил, забыл и теперь вот вспомнил. С возрастом непоправимо мудреешь от пережитого, увиденного и прочитанного.

Иногда из интереса я листаю книги, отмеченные разными премиями. Попадаются сочинения и о детстве, прошедшем в Советском Союзе, в котором мне тоже довелось родиться и возмужать. От чтения некоторых текстов остаётся ощущение, что будущие литераторы выросли в стране, где их мучали, тиранили, терзали, унижали, пытая мраком безысходного оптимизма, глумливо бодрыми пионерскими песнями, сбалансированным питанием и насильственным летним отдыхом. Оказывается, во дворе их нещадно лупили за вдумчивый вид или затейливую фамилию. Наверное, родившись чернокожими работягами в колониальном Конго, эти авторы были бы намного счастливее…

Если верить подобным пишущим фантазёрам, в те жуткие годы, озадачив учителя неправильным вопросом про светлое будущее всего человечества — коммунизм, можно было остаться на второй год или даже отправиться в колонию для малолетних преступников. Ну, а тех вольнодумцев, кто отказывался ходить в уборную строем с песней, ждал пожизненный волчий билет.

Особенно страдали, как выясняется теперь, дети, прозябавшие в высших слоях советского общества. Страшные тёмные дела творились в просторных цековских квартирах, на академических дачах и в недоступных "артеках". Возможно, так оно там и было… Не знаю, не посещал. Но вот у меня, выросшего в заводском общежитии Маргаринового завода, от советских детства и отрочества остались совсем иные впечатления, если и не радужные, то вполне добрые и светлые.

Об этом моя новая книга. Я писал её с трепетом, погружаясь сердцем в живую воду памяти, извлекая из глубин сознания милые мелочи минувшего, перебирая забытые словечки ушедшей эпохи, стараясь воплотить в языке тот далёкий, утраченный мир, который исчез навсегда вместе с Советским Союзом — со страной, где, устремляясь в будущее, так любили для скорости сокращать: "ликбез", "колхоз", "комсомол", "райком", "спортзал", "детсад", "совдетство"…

Сознаюсь, это очень непросто — воссоздавать ушедшее время: многое забылось, исказилось, покрылось домыслами, а что-то преобразилось под поздними впечатлениями до неузнаваемости. Но я старался…

А напоследок вот ещё одно наблюдение: тем, кто не любит своё советское детство, и нынешняя наша Россия категорически не нравится. Такая вот странная закономерность…"

Третьеклассник Юра Поляков, 1963 г.

…НА ТЕЛЕЭКРАН под звуки бодро-поступательной музыки выкатился, словно колобок, Земной шар, — и началась программа "Время". По вытянутым лицам Кириллова и Шатиловой я понял: в мире случилось что-то нехорошее, скорее всего, снова американская военщина насвинячила. Обычно же наши дикторы появлялись на экране радостные, словно их распирало от хороших новостей: запустили ещё один спутник, открыли новую фабрику, засыпали в закрома родины тонны пшеницы, выдали на-гора угля без счёта… А тут: лица хмурые, губы поджаты, глаза потуплены…

— Кто-то умер! — ахнула Лида.

— Почему? — удивился я.

— У Кириллова чёрный галстук. А у Шатиловой платье тёмное и бус никаких. А бусы-то она любит!

— Брежнев, вроде, ещё молодой, рановато ему… — засомневался отец.

— Типун тебе на язык!

— Может, Косыгин? — предположил я: фамилии прочих руководителей мне запомнить пока ещё не удалось.

— Помолчи! Мал ещё. В школе, смотри, что-нибудь такое не ляпни…

Между прочим, во втором классе я, услышав вечером по телевизору, что в Америке застрелили президента Кеннеди, наутро явился в класс и первым делом спросил нашу учительницу:

— Ольга Владимировна, а вы слышали, Кеннеди убили?

— Как убили? Почему? Не может быть! Откуда ты знаешь?

— По телевизору сказали.

— Надо же, — огорчилась она. — Такой молодой и симпатичный! Пропустила. Совсем с вашими тетрадками зарылась, забыла новости посмотреть…

Ещё долго потом меня переполняла гордость: я смог сообщить учительнице что-то такое, чего она ещё не знала!

На следующий год, услышав по радио, что сняли Хрущёва, я наутро загодя примчался в школу и с порога закричал:

— Ольга Владимировна, а вы слышали, Хрущёва-то сняли! За волюн… волюн…

— Юра, не надо кричать! — улыбнулась она, озираясь. — За волюнтаризм. Про это все уже знают. Садись!

Потом я это слово накрепко запомнил, так как дядя Юра с тех пор всё время повторял: "Я волюнтарист. Как Валюшка скажет, так и будет!"

Нехорошие предчувствия подтвердились.

"…С прискорбием извещают, что сегодня на семьдесят втором году жизни после тяжёлой продолжительной болезни ушёл из жизни выдающийся военачальник, полководец Победы, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, кандидат в члены ЦК КПСС, член Верховного Совета СССР Константин Константинович Рокоссовский…"

Меня всегда удивляло выражение "ушёл из жизни", словно жизнь — это какая-то проходная комната: посидел, встал и ушёл…

— Мать честная! — крякнул отец.

На экране появился портрет усопшего полководца в чёрной рамке: лицо в жёстких складках, стальной взгляд, строгие брови, короткие седые волосы, а широкая маршальская грудь так плотно увешана наградами, что почти не видно мундира.

"Константин Константинович Рокоссовский родился в городе Великие Луки в 1896 году в семье рабочего-железнодорожника…"

— А что главней: орден Победы или Звезда Героя? — задумчиво поинтересовался я, рассматривая награды покойного, хотя ответ на этот вопрос был мне прекрасно известен.

— Конечно, орден Победы! — ответил Тимофеич.

— Он весь в бриллиантах, — добавила Лида.

— А почему? — глуповато уточнил я, пытаясь вывести отца из бирючьей хмурости.

Взрослые, когда отвечают на глупые детские вопросы, всегда почему-то добреют, преисполняясь глубокого самоуважения.

— Эх ты, почемучка с ручкой! — улыбнулся он, попавшись на удочку. — Сколько у нас в стране Героев Советского Союза?

— Много. Тысячи…

В первом классе я начал собирать портреты героев, которые печатались на отрывных страничках настенных календарей — численников. Все в общежитии знали о моём увлечении и не выбрасывали листочки, где, кроме изображения, имелись ещё даты жизни и краткое описание подвига. У меня скопилось сотни полторы листочков, я расположил их в алфавитном порядке, поместив в длинную коробку из-под овсяного печенья — и получилось нечто вроде библиотечного ящика с карточками. Я по наивности надеялся собрать в конце концов имена всех до единого, но, когда наша учительница истории Марина Владимировна объяснила, что Героев Советского Союза у нас больше десяти тысяч, я немного остыл, хотя листки численников по привычке продолжал собирать.

— Правильно — тысячи, — кивнул, подобрев, Тимофеич, — А орденов Победы сколько?

— Мало.

— То-то и оно! Поэтому орден Победы самый главный!

— Наверное, рак у него был… — вздохнула Лида. — Как у Санятки…

Санятка, мамин двоюродный дядя, умер три года назад, но на похороны меня не взяли. Тётя Валя, навещавшая его в больнице, предупредила: страшное зрелище, детям лучше не смотреть!

— У Рокоссовского рак? — спросил я, удивляясь неожиданному созвучию.

— Конечно! Если рак, всегда объявляют: "После долгой продолжительной болезни…" А если говорят: "скоропостижно", значит, — сердце, инфаркт, — подтвердила маман.

— А если "трагически ушёл из жизни", значит, руки на себя наложил, — мрачно добавил отец.

— Или в аварию попал, как композитор Долуханян, — вздохнула Лида.

— Если авария, тогда говорят: "трагически погиб", — возразил Тимофеич.

— Нет, если "трагически погиб", значит, был на посту…

— Если на посту, тогда: "героически погиб, выполняя долг…" — его лицо побурело: он терпеть не мог, когда с ним спорили.

— А помнишь, Гагарин в марте разбился, ни про какой "долг" по телевизору никто не говорил! — сварливо возразила маман.

…Когда по радио сказали о смерти Гагарина, я был дома один и сначала решил, что ослышался, но потом понял: это правда, и, заплакав, побежал по общежитию, чтобы всех оповестить. На маленькой кухне стирала Ежова. Я крикнул ей, что первый космонавт погиб. Она не поверила и даже замахнулась на меня мокрой наволочкой: думала, дурачусь. Потом заметила мои слёзы и тоже разрыдалась…

— Почему про "долг" не сказали? — противным голосом повторила свой вопрос Лида.

— По кочану! Кулёма!

— …А ты… ты мартовский… отпускник!

— Что-о!?

Мне показалось, будто "чешихинский" чемоданчик сам, словно предлагая себя в дорогу, выдвинулся из-под кровати.

Ну просто как дети!

— А кто был главней на войне: Рокоссовский или Жуков? — с глуповатой пытливостью спросил я, рассчитывая этим дурацким вопросом снова отвлечь отца от назревающей ссоры.

Наши мужики за домино часто спорят, кто выиграл войну: Сталин, Жуков или другие маршалы. Они говорили почему-то "маршала́", с ударением на последнее "а"… Кричат до хрипоты, все их аргументы и доводы прекрасно слышны в нашей комнате, так как стол и скамейки у нас под окнами.

— Ну, ты, сын, сравнил! — Тимофеич окинул меня всезнающим взором и опять подобрел. — Конечно, Жуков! Но и Рокоссовский — это тебе не хухры-мухры. Маршал Победы, слышал, что сказали? Другая жена налила бы помянуть…

Последние слова были произнесены мечтательно, насмешливо и куда-то вдаль, без всякой надежды на осуществление, однако вызвали отклик. Маман сочувственно кивнула, молча достала из холодильника и поставила перед отцом бутылку, в которой, как золотые мальки, плавали мелко наструганные лимонные корки.

— Помянуть — совсем другое дело. Это святое! Это можно…

— Есть такое дело! — просветлел Тимофеич.

Странные всё-таки люди — взрослые. Абсолютно непредсказуемые. У дяди Коли Черугина есть рязанский родственник по фамилии Саблин, которому пить совершенно нельзя, так как он начинает буянить и может, к примеру, схватив нож, объявить, что вот сейчас на глазах у всех зарежется насмерть. Тогда на него по секретной команде наваливаются гурьбой все гости и вяжут полотенцами. Раз в год Саблин приезжает из Рязани на день рождения тёти Шуры Черугиной, всегда трезвый, как стёклышко, в шляпе и галстуке. Нас тоже обычно приглашают по-соседски обмыть новорождённую. Кстати, мы тоже рязанские, и бабушка Аня, и бабушка Маня из тех же краёв, но только из разных районов.

Из года в год происходит одно и то же: тётя Шура просит Саблина выпить за её здоровье одну рюмочку, но он, зная себя, наотрез отказывается, даже порывается уйти, но она настаивает, обижается, и рязанский родственник всё-таки соглашается — пригубить, а вскоре уже мчится, выкатив белые глаза, на общую кухню, хватает первый попавшийся нож и угрожает немедленно зарезаться. Тогда его вяжут. Однажды Саблин, как обычно, рванув рубаху, приставил остриё к груди и стал со всеми прощаться, но Лида увидела, что у него в руке наш новый хлебный нож, и строгим парткомовским голосом потребовала немедленно вернуть чужую собственность. Буян растерялся, покорно отдал нож и горько заплакал, как ребёнок. Тогда его привычно связали полотенцами и унесли на диван.

— Пусть земля ему будет пухом! — Тимофеич торжественно поднёс рюмку к губам, выпил и улыбчиво поморщился. — Как же её пьют беспартийные?!

Это у них шутка такая. Смысл в том, что водка — настолько отвратительная гадость, что употреблять её вовнутрь отваживаются только коммунисты, которые всегда готовы к подвигу и самопожертвованию: в фильмах про войну они выносят пытки гестаповцев без единого стона и плюют в лицо врагам. Водку я один раз из интереса пробовал (осталась на донышке в рюмке) — горькая, невозможная дрянь, от которой перехватывает дыхание, и пить её я не собираюсь, даже когда вырасту. А вот советское шампанское с серебряным горлышком — совсем другое дело, оно сладкое и газированное, точно лимонад, да ещё открывается с таким хлопком, словно бабахнул пугач. Но стоит оно почти три рубля. Дураку ясно: лучше выпить тринадцать бутылок "Дюшеса", чем одну шампанского…

После ужина отец ушёл вниз "забивать козла". Лида убрала со стола посуду, вынула из комода жестяную коробку со швейными принадлежностями и села отпускать мои старые техасы, чутко прислушиваясь к тому, что происходит под нашим окном. Едва уловив среди стука костяшек подозрительный лязг стекла, она отложила рукоделье, легла грудью на широкий мраморный подоконник, глянула вниз и погрозила пальцем:

— Значит, всё-таки распиваете?

— Не волнуйся, Ильинична, мы маршала поминаем, но только пивком! — послышался виноватый голос Петрыкина.

— Витя, мне сверху видно всё, ты так и знай! — парткомовским голосом предупредила Лида и вернулась к штанам, обнаруживая на них всё новые прорехи, пятна и потёртости.

— Это надо ж так угваздать портки всего за год! — возмущалась она.

Решив не напоминать ей, как она опрокинула на светлое выходное платье противень с треской под майонезом, я тихо занялся моими рыбками.

Пока я набирался сил и бодрости в пионерском лагере, аквариум сильно зарос, заилился и замусорился, но вода осталась на диво чистой и прозрачной с "приятным озёрным запахом", как написано в книжке "Подводный мир дома", а значит, "мы имеем дело с природным равновесием, установившимся в отдельно взятом искусственном водоёме, к чему должен стремиться каждый рыбовод-любитель".

Аквариум у меня небольшой: всего-навсего полтора ведра. Рыбок тоже немного: гуппи-вуалехвосты — три самца и две самочки, по паре: радужные меченосцы, полосатые барбусы, голубые гурами и ещё неразлучная троица калихтовых сомиков, роющихся усиками в донном иле, изредка взмывая к поверхности — глотнуть, видимо, свежего воздуха. Были ещё синие петушки, но сдохли один за другим. Неживучие они какие-то!

Конечно, я давно мечтаю о другом аквариуме — вёдер эдак на пять. В зоомагазине такие не продаются, зато на Птичьем рынке, возле стены, можно найти любые ёмкости: круглые, квадратные, совсем плоские с крючками, чтобы вешать на стену вместо картины. Есть там крошечные, чуть больше отцовой манерки, садки для перевозки мальков. А рядом продаются огромные аквариумища, в которых можно держать хоть карпов и сомов, как в рыбной секции 40-го гастронома. Всё это, конечно, самодел, но качественный, считает дядя Юра. "Рукастый у нас народ! — говорит он. — Но прежде, чем купить, пощупай!"

Я присмотрел себе за двадцать восемь рублей отличный аквариум на полсотни литров, по форме он напоминает средней величины чемодан, с каким Тимофеич всё время норовит отъехать на Чешиху. Каркас клёпанный, из нержавейки, а стёкла посажены на эпоксидку. Башашкин обещал подарить мне его на день рожденья, если хозяин сбросит пятёрку. Считается, на рынке покупать, не торгуясь, — преступление. Всякий раз, бывая на Птичке, чтобы взять свежего корма — трубочника и мелкого мотыля, — я проверяю, на месте ли ещё мой аквариум. На месте. Видимо, цена в самом деле великовата, коль никто не берёт. Подхожу — щупаю. Хозяин посмеивается, говорит, что и на каркас без стёкол покупатель рано или поздно найдётся.

На Птичий трамвай ползёт через Таганку примерно полчаса, и, наконец, водитель весёлым голосом объявляет: "Следующая остановка — птичий, рыбий, кошачий, собачий, хомячий, крольчачий, свинячий рынок!" Наверное, он имеет в виду морских свинок. Там и в самом деле есть всё: черепахи, попугаи, щенки, котята, ангорские кролики, красные тропические тритоны, белки, ежи, ужи, даже удавчики… Но мой друг Василий, продавец-консультант магазина "Зоотовары", ползучую живность брать в дом не рекомендует — опасно.

Ходить по Птичке и глазеть можно целый день, но я направляюсь прямо в рыбные ряды, которые особенно впечатляют в зимнюю пору. Вокруг высокие сугробы, заснеженные деревья, с карнизов свисают сосульки, все продавцы в валенках, тулупах, ушанках и рукавицах, изо ртов валит пар, а в плексигласовых аквариумах, стоящих, словно мольберты, на ножках, плавают яркие тропические рыбки: "неоны", похожие на блёстки, алые мечехвосты, плоские скалярии, напоминающие резные листики из гербария…

Но особенно я люблю смотреть на золотых вуалехвостов: взрослые величиной с хорошего карася, а хвост, словно длинная розовая фата, извивается в воде, заполняя всё стеклянное пространство. Они пузатые и неторопливые, словно цари подводного мира. Подрощенный малёк, уже пустивший вуаль, стоит целых три рубля! Молодь брать не стоит, могут подсунуть обычного карася. Но в моём аквариуме такой махине делать нечего. Нужен большой, и я терпеливо жду.

Зимой продавцы на электроплитках, подключённых к автомобильным аккумуляторам, греют воду и понемногу подливают, чтобы теплолюбивые существа не замёрзли. Выбранную покупателем рыбку они ловко вылавливают сачком и мгновенно выпускают в баночку, которую тут же следует спрятать за пазуху и так везти, иначе дома обнаружишь ледышку. Сами продавцы греются чаем, от которого сильно пахнет коньяком или ромом. Однажды после Нового года дядя Юра поехал со мной на Птичку, заранее хорошо раскочегарившись. Бродя меж рядов, он весело задирал продавцов:

— Что ж у вас, мужики, какая-то синяя килька стоит дороже севрюги! ОБХСС на вас нет!

Они сердились, объясняли, что сапфировую рыбку доставили прямиком с Амазонки и что добиться от неё потомства труднее, чем закадрить Аллу Ларионову!

— Знаем мы вашу Амазонку! Яузой она называется. А посинела ваша салака оттого, что туда разную химическую дрянь всё время сливают…

Тут продавцы просто озверели, стали Башашкина гнать, обзывая всякими словами, а он, смеясь, шёл дальше, в другие ряды, чтобы расспросить, как лучше готовить трогательных мохеровых кроликов: тушить, вялить или жарить… Смехотура! Там его чуть не побили. Жаль, что в пересменок я не успею съездить на Птичку. Впрочем, Лида всё равно отказывается в моё отсутствие давать рыбкам живую пищу, называя трубочника и мотыля "червяками". Интересно, что бы она запела, если бы ей давали только концентраты Пищекомбината!

Насыпав в плавающую стеклянную кормушку щепотку сушёных дафний, я обнаружил, что корма осталось на донышке железной банки, и до моего возвращения явно не хватит. Некоторые идиоты в таких случаях начинают кормить рыбок хлебом, а это — конец питомцам.

Приводя хозяйство в порядок, я первым делом заострённой деревянной лопаткой счистил зелёный бархатный налёт, которым заросли изнутри стёкла. В этот момент, наверное, для обитателей будто открылся театральный занавес, а когда я включил рефлектор, подводный мир совсем стал похож на освещённую сцену. Быстро похватав корм, рыбки собрались, вращая плавниками, перед стеклом, словно бы с удивлением рассматривая меня. А вот интересно, знают ли они моё лицо, могут ли отличить, скажем, от вредителя Сашки? И о чём думают, глядя на меня? О чём беззвучно перешёптываются?

Оболенский Алексей. Загадки забытой войны. — М.: Наше Завтра, 2021. — 514 с.: ил.

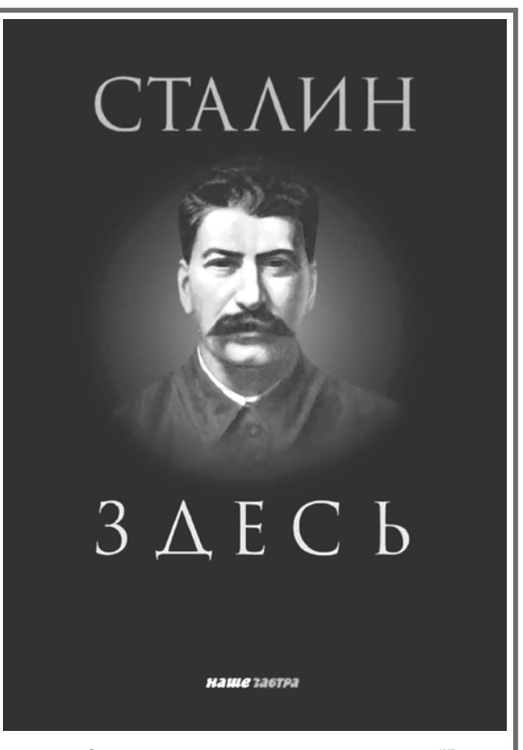
"Японская" война 1904—1905 годов, первая в череде войн, терзавших Россию в XX веке, за прошедшие сто с лишним лет не стёрлась из народной памяти, не стала "забытой войной". Того же "Варяга" мы, русские — не только военные моряки, — если придёт смертельная беда, поём до сих пор. Да и наши соседи из Страны восходящего солнца постоянно напоминают об этом прошлом, требуя "вернуть" им Южные Курилы. "Так чем же всё-таки стала для русского флота русско-японская война? Демонстрацией слабости и трусости или олицетворением доблести и беззаветной преданности долгу перед отечеством?" — таким вопросом задаётся автор книги, историк Алексей Оболенский, подчёркивая, что для ответа на него намерен представить вниманию читателей документальную летопись событий тех лет, "правдивый, но уважительный рассказ о войне, хоть и проигранной, но навсегда овеянной ореолом доблести и славы", не окрашивая историю "ни в чёрный, ни в белый, ни в красный цвета". И на протяжении всего повествования добросовестно следует своему замыслу. Но, как всегда бывает в подобных случаях, в итоге даёт больше, чем обещает.

Для лучшего понимания военно-политической ситуации начала XX века автор в начале книги делает небольшой исторический экскурс, восходящий к временам Крымской войны 1853—1856 годов, и, даже не имея такой цели, наглядно показывает, что политика Великобритании, направленная против России, привела к возвышению Германии в Европе и Японии в Азии, а также к двум величайшим мировым войнам, в которых британские протеже выступили как агрессоры — в том числе и против Соединённого Королевства. А своей кровью и своими жизнями за эти "игры высших элит" платили десятки и сотни миллионов людей на всех континентах планеты…

Но в начале XX века Великобритания, казалось, уверенно шла к победе в "Большой игре" против Российской империи, при помощи разнообразной, от министров и генералов до революционеров и раскольников, "агентуры влияния" опутав свою жертву целой сетью экономических и военно-политических проблем. И считала Японию весьма удобным инструментом для "вивисекции" российских интересов не только на Дальнем Востоке, но и на международной арене в целом, загоняя Санкт-Петербург в сети Антанты. Но в дело уже вступали новые силы. Алексей Оболенский пишет об этом так: "Только-только отгремели последние залпы Цусимского сражения, а уже 18 мая 1905 года министр иностранных дел Японии маркиз Ито обратился к американскому президенту Теодору Рузвельту с просьбой о посредничестве в мирных переговорах с Россией. Несмотря на блестящие победы на море и в маньчжурских полях, Страна восходящего солнца вела войну на последнем пределе своих возможностей — её экономические и людские ресурсы подходили к концу, Япония с трудом выдерживала напряжённый темп боевых действий…"

Подписанный от имени Российской империи премьер-министром С.Ю. Витте (тем самым, отмечает автор, "благодаря чьей экономической политике русский флот на Дальнем Востоке оказался, по сути, не готовым к ведению войны") 23 августа (5 сентября по новому стилю) 1905 года Портсмутский мирный договор был воспринят российским обществом как позорное пятно, смыть которое удалось только через 40 лет.

Сталин здесь. Фурсов А., Четверикова О., Катасонов В., Спицын Е. — М.: Наше Завтра, 2021. — 362 с.



В декабре 2019 года газета "Завтра" и издательство "Наше Завтра" провели в Москве научно-практическую конференцию "Сталинские чтения", посвящённую 140-й годовщине со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Прозвучавшие на ней доклады вызвали немалый резонанс в российском обществе, публиковались на страницах газеты "Завтра", журнала "Изборский клуб", других периодических изданий, в интернете. Теперь они, в исправленном и дополненном авторами варианте, увидели свет как отдельное книжное издание. Гигантская фигура Верховного главнокомандующего высится над названной его именем "сталинской эпохой", поднявшей нашу страну на небывалые высоты исторического творчества. Эта славная и трудовая эпоха — величайшая победа и величайшая тайна. Сталинской победой (и вершинным её воплощением — Победой 1945 года) всегда будут восхищаться. И всегда будут её ненавидеть в неутолимой жажде реванша. Сталинскую тайну будут разгадывать вечно. И всегда будут её искажать и замалчивать. Так уж он почему-то устроен, этот наш мир.

Андрей Фурсов отмечает, что благодаря сталинскому курсу в Советском Союзе уже к концу 1930-х годов оформилась система, снявшая все противоречия самодержавного строя: 1) противоречие между властью и собственностью — путём очистки власти от собственности; 2) противоречие между низким уровнем производства и высокими стандартами потребления правящих классов, что вызывало сверхэксплуатацию и нищету населения — путём максимального уничтожения эксплуататорских классов; 3) противоречие между "городом" и "деревней" — путём коллективизации и индустриализации всей страны. Россия при Сталине действительно за десять лет "пробежала" тот путь, который другие страны преодолели за полтора-два века своего развития, причём практически дважды: до и после Великой Отечественной войны. Вот только число человеческих жертв в той же пропорции при этом сократить не удалось, что и породило устойчивый миф о "запредельной жестокости" сталинской эпохи. Поэтому в высшей степени оправданным представляется вывод Александра Нагорного: "Сталинская трансформация 1926–1953 годов успешно ответила на все вызовы, стоявшие перед русской цивилизацией в тот исторический период, и сформировала необходимую "сумму технологий" для её дальнейшего сохранения и развития".

Но это, так сказать, только уровень рациональных смыслов, которым феномен Сталина далеко не исчерпывается. "В русской истории действует загадочная синусоида, по которой развивается Государство Российское. На протяжении всей русской истории было пять империй. Это условная формулировка, и многие историки "классического представления" будут возражать против такой моей кодификации и классификации русской истории. Но я убеждён, что все пять периодов русской истории имеют имперский характер. И в каждой империи присутствует свой Сталин. Империя и вообще Россия развивается рывками. Развивается конвульсивно, через "исторические инфаркты". И в каждом из этих периодов-рывков присутствует — может быть, условно, а может быть, и не условно, через реинкарнацию одного и того же демиурга, — Сталин", — утверждает Александр Проханов, называя "отца народов" одним из воплощённых проявлений Русской Мечты, возвращающей всему человечеству райские смыслы его земного бытия. Так оно и есть.